

А. М. Ранчин

«Бывают странные сближения», или «Граф Нулин» как историческая аллегория

DOI: 10.53953/08696365_2024_185_1_351

Нижеследующая заметка — отклик на недавнюю статью Д.П. Ивинского «“Две повести в стихах”: 14 декабря, Николай I, князь П.А. Вяземский и другие»¹. Работа Ивинского — попытка объяснить, почему Пушкин, прежде уже напечатанный полный текст «Графа Нулина» в альманахе «Северные цветы на 1828 год», в декабре 1828 г. вновь издает поэму — на сей раз вместе с «Балом» Боратынского в составе книги «Две повести в стихах». По мысли исследователя, «причин было как минимум две»: «Первая заключалась в том, что уже в 1827 году Пушкину пришлось столкнуться с мнениями ряда светских людей, которые начали подозревать или даже обвинять его в стремлении подольститься к царю: в этих обстоятельствах менее всего он был заинтересован в открытом обсуждении “Графа Нулина” во всей полноте его смысла. <...> Вторая не менее важна и менее очевидна. В “Северных цветах” сразу после “Графа Нулина” было напечатано “Море” Вяземского, актуализировавшее именно нежелательный для Пушкина в публичной сфере “декабристский” контекст» (с. 114—115).

Ивинский справедливо напоминает о содержащейся в стихотворении Вяземского аллюзии на казнь и ссылку декабристов, заключая на этом основании: «“Море”, писавшееся в ситуации острого потрясения от казни пяти “декабристов”, оказывалось не только соотносимо с “декабристским” подтекстом “Графа Нулина”, но в каком-то смысле и противопоставлено ему или, по крайней мере, выражало другие, не затронутые в подтексте пушкинской поэмы аспекты “декабристской” темы» (с. 115). Общий вывод автора статьи таков: «Итак, издание “Графа Нулина” и “Бала” под одной обложкой выводило пушкинскую поэму за пределы “николаевской” и “декабристской” тем и одновременно за пределы смыслового поля, заданного стихами Вяземского» (с. 118).

Однако если в «Море» соотносительность с подавлением декабрьского восстания несомненна, то с «Графом Нулиным» все намного сложнее. Ивинского видеть в поэме отсылки к событиям 14 декабря побуждает пушкинская заметка ««О “Графе Нулине”»», которую автор статьи склонен, как и некоторые другие ученые, считать наброском предисловия к стихотворной повести и вслед за М.А. Гординым² предположительно датирует не 1829 или 1830 г., как это делается традиционно, а 1827-м. Он утверждает: «...в этом наброске история и частная жизнь обсуждались

1 См.: Поэзия мысли: От романтизма к современности / Общ. ред. и сост. Е.А. Тахо-Годи. СПб.: Нестор-История, 2023. С. 108—116.

2 Ср.: Гордин М.А. Заметка Пушкина о замысле «Графа Нулина» // Пушкин и его время. Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. Вып. 1. С. 232—245.

как тесно связанные друг с другом и проводилась выразительная параллель между “соблазнительным” сюжетом “Графа Нулина” и “соблазнительными происшествиями” 14 декабря, когда Николаю I пришла в голову мысль выстрелами из пушек рассеять восставших “декабристов”; в этом контексте, возможно, неслучайным является еще одно странное сближение — лежащая на поверхности переключка имен последнего и пушкинской героини, ср.: *Николай Павлович* и *Наталья Павловна*. Немногим сложнее связать с предысторией 14 декабря сцену заигрывания Натальи Павловны с графом Нулиным <...> если достроить историко-аллегорический план пушкинской повести до конца, то сцена эта предстает как фиксирующая ту версию событий, приведших к потрясениям 1825 года, которая была принята в пушкинском кругу: сначала (во времена императора Александра I) власть *тихонько* (подчас, впрочем, и открыто) заигрывала с оппозицией, потом дистанцировалась от нее и, наконец (руками уже нового императора Николая I), разгромила ее, *обнулив* политические претензии» (с. 110—111).

Убедительным такое толкование признать невозможно. Вчитаемся в текст заметки: «В конце 1825 года находился я в деревне. Перечитывая Лукрецию, довольно слабую поэму Шекспира, я подумал: что если б Лукреции пришла в голову мысль дать пощечину Тарквинию? быть может это охладило б его предприимчивость и он со стыдом принужден был отступить? — Лукреция б не зарезалась, Публикола не взбесился бы, Брут не изгнал бы царей, и мир и история мира были бы не те.

Итак, республикою, консулами, диктаторами, Катонами, Кесарем мы обязаны соблазнительному происшествию, подобному тому, которое случилось недавно в моем соседстве, в Новоржевском уезде.

Мысль пародировать историю и Шекспира мне представилась, я не мог воспротивиться двойному искушению и в два утра написал эту повесть.

Я имею привычку на моих бумагах выставлять год и число. Гр<аф> Нулин писан <?> 13 и 14 дек<абря>. — Бывают странные сближения»³.

В чем смысл выражения «странные сближения»? Несомненно, автор «Графа Нулина» соотносил свою стихотворную повесть как травести мифологизированного сюжета о свержении царской власти в Древнем Риме с аналогичным, но неудачным опытом, предпринятым 14 декабря; только история, в отличие от поэта, создала не комическую сценку, а высокую трагедию. По словам Ю.М. Лотмана, это указание на странное совпадение мелких и великих событий⁴. Допустимо и более узкое толкование: Пушкин задним числом соотнес комически-пародийное осмысление роли случая в истории (собственно, значения случая как побудительного мотива, «триггера» восстания и смены монархического правления властью республиканской) с попыткой военного переворота, предпринятого декабристами. Но заметка «написана позднее, чем поэма, и вызвана размышлениями не столько о содержании произведения, сколько о совпадении даты его создания с декабрьским восстанием — о совпадении, включающем уже написанный текст в новые контекстные связи»⁵. В самом деле, 13 и 14 декабря, когда была написана поэма, Пушкин, пребывавший в Михайловском, еще ничего не знал об отречении Константина и,

3 Пушкин <А.С.> Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Т. 11. С. 188.

4 См.: Лотман Ю.М. Три заметки к пушкинским текстам // Лотман Ю.М. Пушкин. СПб.: Искусство-СПб, 1995. С. 337—338.

5 Виралайнен М.Н. Творческая история двух стихотворных повестей // Две повести в стихах: Е.А. Баратынский. Бал. А.С. Пушкин. Граф Нулин / Изд. подгот. М.Н. Виралайнен. СПб.: Наука, 2012. С. 159—160.

соответственно, о ситуации, чреватой бунтом⁶. Николай I, манифест о вступлении которого на престол был составлен только 12 декабря, подписан им на следующий день и зачитан на секретном собрании Государственного совета в ночь с 13 на 14 декабря⁷, для поэта во время написания «Графа Нулина» оставался великим князем. Все это, конечно, Ивинскому прекрасно известно. Как, несомненно, известны и названные мною, но не упомянутые в его статье работы о поэме и заметке, в свете которых рассматриваемое объяснение «странных сближений» представляется не обязательным и даже излишним.

Идея Ивинского, что в заметке Пушкин трактовал «Графа Нулина» как своего рода историческую аллгорию, где Наталья Павловна олицетворяет Николая I, а неудачливый ловелас — участников декабрьского мятежа, представляет собой авторскую реинтерпретацию, перепрочтение, наделяющее текст смыслом, изначально в нем не заложенным. Однако такая трактовка пушкинской наброска и «странных сближений» вызывает сомнения. Она не только противоречит очевидному читательскому ощущению, переданному Г.А. Гуковским в словах «В поэме содержится бытовой анекдот — и только»⁸, но и рождает ряд недоуменных вопросов: а кого же обозначают муж Натальи Павловны и ее сосед-любовник Лидин? и аллегорией какого политического события будет в таком случае «драка козла с дворовой собакой»? Но главное: мог ли поэт уподобить своих друзей и близких знакомых, оказавшихся или в петле, или «во глубине сибирских руд», ничтожному и пустому персонажу с говорящей фамилией Нулин? И в моральном, и в психологическом отношении это представляется совершенно невозможным.

Впрочем, Д.П. Ивинский приводит в пользу своей трактовки заметки ««О “Графе Нулине”»» дополнительный аргумент, якобы свидетельствующий, что император Николай I увидел в тексте поэмы, присланном ему автором на цензуру, отсылку к событиям 14 декабря. Интерпретатор полагает, что он получил от Пушкина поэму вместе с заметкой ««О “Графе Нулине”»» или с аналогичным ей предуведомлением. Предложенную царем замену нулинского «урьяльника» на «будильник», которая, по свидетельству А.О. Смирновой, сохраненному дочерью, привела Пушкина в восторг, Ивинский трактует как политическую аллюзию, бурно одобренную сочинителем. Однако в записках Смирновой-дочери дается иное объяснение этого «восторга», кажется, всего лишь комплиментарного: «звук, рифма, число слогов оставлены те же»⁹. (Допустимо, впрочем, предположить, что поэт усмотрел остроумие замены в некоем сходстве будильника и урьяльника: если первый высвобождает из объятий Морфея с помощью звонка, то второй служит удовлетворению позыва, также способного прервать сон. Предположение это гадательное, но оно ничем не хуже идеи, что «будильник» для императора и поэта ассоциировался с призывом к восстанию или чем-то в этом роде.) В мемуарах самой А.О. Смирновой, достоверность которых в отличие от записок дочери в целом

-
- 6 См. хронологию событий конца ноября — первой половины декабря 1825 г. и получения Пушкиным известий о них: *Летопись жизни и творчества А.С. Пушкина, 1799—1826* / Сост. М.А. Цявловский; отв. ред. Я.Л. Левкович. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1991. С. 573—579.
 - 7 См.: *Шильдер Н.К.* Император Николай I: Его жизнь и царствование. СПб.: А.С. Суворин, 1903. Т. 1. С. 255, 263—266.
 - 8 *Гуковский Г.А.* Пушкин и проблемы реалистического стиля. М.: Гослитиздат, 1957. С. 75.
 - 9 *Смирнова А.О.* Записки (Из записных книжек 1826—1845 гг.). СПб.: Изд. редакции журнала «Северный вестник», 1895. С. 3.

не подвергается сомнению¹⁰, реакция Пушкина передана иначе и намного более сдержанно: «Это восхитило Пушкина. “C’est la remarque de gentilhomme”. А где нам до будильника, я в Болдине завел горшок из-под каши и сам его полоскал с мылом <...>»¹¹. Это признание царского благородства и благовоспитанности в соседстве с упоминанием о ночном горшке поэта, несомненно, подсвечено иронией.

Насколько известно автору этих строк, никто из современников не находил в «Графе Нулине» ни аллегорий, ни аллюзий на события 14 декабря. Между прочим, заметку «<О “Графе Нулине”>» они читать не могли. Камуфлировать то, чего не было или что было невозможно разглядеть («Намеки тонкие на то, / Чего не ведают никто»), Пушкину едва ли требовалось. «Нет необходимости преувеличивать значение сообщения Пушкина для непосредственного понимания текста “Графа Нулина”» (Г.А. Гуковский¹²). Как было сказано, «поэта далеко заводит речь». Она же, ставшая предметом изучения, как представляется, способна далеко завести и филолога-интерпретатора. Воистину: «Бывают странные сближения».

10 Правда, именно разбираемое свидетельство публикатор записок С.В. Житомирская как раз оценила как «по-видимому, недостоверное», вызванное ошибкой памяти (Смирнова-Россет А.О. Дневник. Воспоминания / Изд. подгот. С.В. Житомирская. М.: Наука, 1989. С. 690, примеч. 108), хотя едва ли основательно: чтение «урьяльник» имеется в одной из беловых рукописей; см.: Пушкин <А.С.> Полное собрание сочинений: В 16 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. Т. 5. С. 169. Таким образом, утверждение Д.П. Ивинского, что этот вариант свидетельства «никогда под сомнение не ставился» (с. 111), неверно.

11 Смирнова-Россет А.О. Указ. соч. С. 349.

12 Гуковский Г.А. Указ. соч. С. 75.